

"Спектакль" как новый тип политической легитимности

Святенко Олег Александрович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра социальной философии, Москва, Россия

E-mail: svyatenko.oleg@yandex.ru

Как известно, М. Вебер выделял три идеальных типа легитимности: легальный, традиционный, харизматический[2]. Однако сегодня можно говорить о новом типе легитимности вытесняющим все остальные - легитимности основанной на "спектакле" транслируемым масс медиа.

Одним из первых, кто обратил внимание на этот факт, был французский неомарксист Ги Дебор. В труде «Общество спектакля» Дебор представил все политическое как некий спектакль: политики играют роль актеров, а их личные качества стираются в угоду той роли, которую они призваны играть[3].

По Дебору спектакль становится возможным, благодаря тотальному отчуждению современного человека от собственного бытия, подобная ситуация - продолжение развития капитализма в рамках логики максимизации прибыли. На первой стадии, рабочий отделяется от произведенного им товара. В дальнейшем, капитализм захватывает не только физический труд индивида, но и его ментальную сферу. Величие и красочность спектакля детерминирована ничтожной и бесцветной жизнью, неудовольствие от которой он призван компенсировать, это попытка чем-то заполнить время атомизированных и одиноких индивидов («одинокой толпы» Дебор). Находясь в состоянии тотального отчуждения, индивидом осуществляется "перенос", идентификация себя с образами экрана. Оказываясь захваченным дискурсом спектакля, субъект начинает мыслить в рамках навязываемой ему системы ценностей.

Отличительная черта современного капитализма - непомерно раздутый третичный сектор. Все нарастающие объемы производства в купе с сокращением рабочих мест (результат его автоматизации) - выталкивают огромное количество рабочих в сферу рекламы и поддержания непрерывного роста спроса. В результате, реклама и навязываемые образы становятся все агрессивней и ярче, все больше и чаще вторгаются в жизнь потребителя. Постепенно грань между миром вещей и миром образов все больше стирается, пока, наконец, не исчезает. Все это теперь воспринимается в комплексе как некий ирреальный мир - мир спектакля.

«Выигрыш во времени, к каковому постоянно стремится современное общество . . . позитивно переводится для населения США в то единственное обстоятельство, что просмотр телевизора занимает в среднем от 3 до 6 часов в день» [3]. Но полагать, что спектакль специфическое явление лидирующих в капиталистическом развитии стран было бы заблуждением. Спектакль захватывает идеологическое пространство даже на своей периферии, проникает туда, где ему установлены физические барьеры.

Спектакль отвечает на главный вопрос последних двух столетий «как заставить работать бедных там, где рассеялись иллюзии, и рухнуло насилие?». Продолжая предыдущие стратегии угнетения, спектакль выступает новым типом политики обскурантизма: вместо «естественного невежества» крестьян с помощью белого шума конструируется искусственное невежество зрителей.

Но спектакль не просто выполняет идеологическую функцию, оправдывает существующий общественный порядок, но и сдерживает индивидов в состоянии пассивности, созда-

вая своеобразную монополию на действие, приводит к такой ситуации, где политический актер действует, а угнетаемые индивиды созерцают. Отнимая право на действие у масс, он отстраняет их от участия в политической жизни: «чем больше они созерцают, тем меньше они живут». Созерцающий индивид не способен к восстанию.

Отсутствие цельности и последовательности в действиях, обуславливает инфантильность и иррациональность, а тотальное разделение труда - состояние в котором сосредоточившись изо дня в день на ограниченном фрагменте реальности, индивиды не видят всей картины в целом. Характеристики зрительского сознания», по мнению Ж. Габеля, изучавшего проблему психопатологий, близки к аутизму и шизофрении[3].

Во многом, продолжая Дебора Ж. Бодрийяр разрабатывал понятие "гиперреальности". Гиперреальность - совокупная область симулякров, вытесняющая означаемые объекты из области человеческого восприятия, некое состояние современного общества, прежде всего западного, в котором, виртуальное имеет примат над реальным, надстройка над базисом, а симуляция замещает собой действие. В цикле статей «Война в Персидском заливе», Ж. Бодрийяр выразил точку зрения, согласно которой, не реальность «отражается» на телеэкранах, а напротив новостной спектакль, транслируемый через масс-медиа, конструируется и продуцируется исходя из желаемого результата, который предполагается получить: «Существует широко распространенное убеждение, что между виртуальным и реальным есть логическая корреляция. . . Но это аристотелевская логика, которая к нам больше не имеет никакого отношения»[1]. Теперь уже не реальность «является», а виртуальность «отражает», а напротив виртуальность, обратившись в гиперреальность, полностью определяет и подчиняет себе мир вещей. Даже, казалось бы, объективные показатели становятся полностью зависимыми от политической конъюнктуры: «Так, на протяжении всего одной недели оценка уничтоженного иракского потенциала выросла с 20% до 50%, чтобы потом упасть к 30%. Эта цифра варьируется также как котировки акций на фондовом рынке»[1]. Данную позицию можно охарактеризовать как радикальный политический конструктивизм.

В качестве иллюстрации изложенных теорий: в феврале 2011 г. во время политического кризиса в Ливии катарский канал Aljazeera транслировал в эфире заранее снятую постановку с участием актеров, выдаваемую за происходящие в реальной жизни события[5]. Съемки проходили в специально построенном павильоне, являющемся точной копией главной площади Триполи[5]. Факт трансляции постановочного материала был подтвержден политическим лидером новоизбранного правительства Ливии[5]. Сотрудник Института Востоковедения РАН, д.и.н. Подцероб А.Б., пришел к выводу, что данный постановочный материал, наряду с другими медиа материалами, повлиял на принятие Советом Безопасности ООН резолюций №1970 и №1973 (запрет на полеты, заморозка активов банков, запрет на поставку оружия и т.д.), легитимность политического лидера была подорвана, политическое единство разрушено[4].

Мы видим, как, с одной стороны, конструируемый спектакль легитимирует политическое действие и как, с другой стороны, легитимность может быть им разрушена - что подтверждает первоначальный тезис, о возникновении легитимности обусловленной медиа "спектаклем".

Источники и литература

- 1) Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Худ. журнал. 1994. № 3
- 2) Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644–706

- 3) Дебор Г. Общество спектакля. М., 1999
- 4) www.iimes.ru/?p=15619
- 5) www.voltairenet.org/article175394.html

Иллюстрации

Рис. 1. Фрагмен репортажа канала Aljazeera

Рис. 2. Фотография площади Баб-эль-Азизия в Триполи